

Да не покажется несообразностью с очевидной истиной, если мы откажемся даже утверждать, что настоящая судебная реформа есть отчасти возвращение к судам древнейшим из древних.

Да не оскорбится тѣ, кто, восхваляя новое, готов порицать все старое, как негодное, если скажемъ, что иногда и среди стараго хлама обрѣтаются вещи драгоценныя. Человѣчество въ теченіи своей исторической жизни вѣкъ отъ вѣка, годъ отъ году тѣмъ и жилъ, что дѣлало попытки, во всемъ и опирая надъ всѣмъ.

Въ постоянномъ стремленіи своемъ къ новому народы земли перѣдко, незамѣтно для себя, возвращались къ старому закону, къ тому закону, что прежнимъ поколѣніемъ было признано негоднымъ. И это старое дѣйствительно теперь оказывалось лучшимъ новымъ.

Если же оно брошено было прежнимъ поколѣніемъ, то потому только, что прежнее по своей идѣе, оно оказалось негоднымъ по исполненію. Или же сдѣлано это по недоразумѣнію, подобно тому, когда домохозяйка, желая обновить свое жилище по требованію современной моды, удаляетъ изъ комнаты вѣстѣ съ старымъ и нецѣ драгоценныя по материалу, потому только, что онѣ не подходятъ къ новому украшенію по своему фасону.

Попытаемся объяснить сказанное нами. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ исторической жизни народовъ, писанномъ около 2-хъ тысячъ лѣтъ назадъ, мы читаемъ описаніе первобытнаго суда.

Вотъ вождь и глава народа одинъ воссѣдаетъ у дверей шатра своего; а народъ приходитъ къ нему, ища суда отъ него, какъ отъ самаго Бога. Такъ было съ утра до вечера, каждый день. Здѣсь выслушивались жалобы и споры и здѣсь давались рѣшенія.

Это былъ Моисей и введенный имъ изъ Египта народъ. Онъ былъ единственный судья для всего народа. Таковой способъ суда единоличнаго, совершавшагося въ одномъ мѣстѣ, оказался настолько неудовлетворительнымъ, что вызвалъ тогда же порицаніе. Моисей рѣшился выразить неодобреніе престарѣлымъ тестю его Иохору.

«Не хорошо это ты дѣлаешь, говорилъ старецъ 80-лѣтнему мужу своей дочери; ты измучилъ себя и народъ сей, который съ тобою; ибо слышавъ тяжело для тебя это дѣло: ты одинъ не можешь исрывать его. Послушай словъ моихъ; я дамъ тебѣ советъ и будешь Богъ съ тобою. Да судя усмотритъ себя въ всего народа людей способныхъ, боящихся Бога, людей правдивыхъ и неувѣдчивыхъ корысти. И послушася Моисей словъ тестя своего и выбралъ изъ всего Израиля способныхъ людей и судилъ они народъ во всякое время; а всѣхъ дѣлающихъ важнѣе доносили Моисею, а всѣ маловажныя дѣла судилъ самъ.» (Исх. 18, 17—26).

Вотъ священный образецъ одного изъ первобытныхъ судовъ. Если сопоставимъ формы нынѣшнихъ судовъ съ этимъ патриархальнымъ, то найдемъ въ нихъ много сходнаго. Тамъ Моисей, избранный Богомъ вождь Израиля; здѣсь—Показанный Божіей Царь. Тамъ для рѣшенія мелкихъ дѣлъ поставлялся судья надъ каждой тысячей, надъ каждой сотней, надъ каждымъ десяткомъ народа; а важныя дѣла восходили на разсмотрѣніе Моисея, какъ главы народа. И здѣсь въ каждомъ городѣ, въ каждомъ уѣздѣ и даже по селамъ поставлены судьи для рѣшенія менѣе важныхъ дѣлъ; а важнѣйшія,—черезъ нѣсколько судебныхъ инстанцій восходятъ къ высшему собранію сановниковъ и вѣдущихъ непосредственной доступъ къ царю.

Тамъ Духъ Божій, почившій на Моисей, по изволенію Божію сообщался и поставленнымъ имъ судьямъ. И въ наши времена православные Цари помалуются на царствѣ, т. е. чрезъ св. миропомазаніе получаютъ особый даръ Божественный для царствованія надъ народомъ и въ вѣрнѣйшимъ. Если это такъ, то избравши и утвердивши Царемъ-показаннымъ начальства и судьи не должны ли стремиться къ тому, чтобы быть съ нимъ въ полномъ единеніи, не по внѣшней только формѣ, но и по духу. Такъ должно быть не потому только, что они поставляются отъ Царя показанника, но и потому что и сами, какъ воспринявшіе даръ благодати во время таинственнаго миропомазанія, суть также показанныя, хотя въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ царственный показанный, о чѣмъ напоминаетъ и въ нѣмъ христианства, которое они носятъ. Потому судья христианскій долженъ быть конститентенъ суда языческаго. Такую мысль подтверждаетъ апостольскіе свидѣтельства. Апостолъ языковъ пишетъ къ новообращеннымъ христианамъ изъ язычниковъ, чтобы они для рѣшенія между собою спорныхъ дѣлъ обращались не къ вѣнчанымъ судьямъ, т. е. языческимъ, а къ своимъ-христианскимъ, что таковой судъ важнѣе суда языческихъ. Основаніемъ своего положенія Апостолъ поставилъ такъ, что свѣоче, каковыя они называютъ христианами, будутъ и въ тогда судить мѣръ; следовательно, заключаетъ Апостолъ, тѣмъ болѣе они способны судить между дѣлами.

Мы этикъ не хотимъ сказать, что всякій, посѣпшій ния христианина, способенъ быть судьею; но только то, что истинный христианинъ, провождающій жизнь по еван-

гельскому ученію и находящійся подъ особеннымъ дѣйствіемъ Духа благодати, болѣе способенъ проводить правый судъ, чѣмъ невѣрующій нечестивецъ и беззаконникъ, хотя бы и обладающій знаніемъ закона.

Въ сказанное нами патриархальное время требовалось отъ судей, чтобы они были способны къ дѣлу. Для судей нашего времени, какъ христианскихъ судей, тѣмъ болѣе потребности эти качества.

Способность и опытность нужны для новыхъ судей даже и потому только, что каждый истецъ и каждый подсудимый могутъ представить за себя обвинителей или защитниковъ, всегда болѣе или менѣе способныхъ и опытныхъ. Въ виду этого судья, не обладающій способностью къ отравленію своихъ обязанностей легко можетъ потерять довѣріе общества и умалить достоинство посимаго имъ званія. Но прежнему мы изображеннаго нашего баснописца лучше можетъ быть терминъ судья ничего не дѣлающій, чѣмъ тотъ, кто при своей власти не обладаетъ достоинствами умнаго судьи. Въ патриархальныхъ судахъ неурала и корысть, хотя и не были терминъ, тѣмъ не менѣе перѣдко могли проникнуть туда, въ силу икоторыхъ неблагопріятныхъ

послѣдствіаго ивѣія жизни. Отсутствие богобоязненности осудило попиною Сувану на смерть. Къ сожалѣнію тоже стало повторяться и у христианскихъ народовъ, хотя вполнѣ было въ этомъ не христианство, а отступленіе обществъ отъ христианскихъ идеаловъ. Впрочемъ, къ угнетенію истиннаго христианства нужно сказать, что если въ средѣ нашего христианскаго общества и находится тѣ жалкіе люди, которые способны глумиться надъ чувствомъ богобоязненности, требуемой отъ судьи, то эти люди составляютъ исключеніе. Они не принадлежатъ къ тому большинству, которое составляетъ массу народа. Простой народъ, не научившійся еще думамъ мудрствованія, предпочитаетъ богобоязненнаго судью тому, у кого отсутствуетъ это качество, хотя бы онъ и обладалъ знаніемъ и опытностью. Народъ хорошо знаетъ, что богобоязненность есть лучшее руководящее за правдивость судьи.

Присовокупимъ къ этому, что когда эта богобоязненность соединяется съ молитвою, сообщающею судѣ, болѣшему Бога, особенную прорознанію, то это служитъ для него самымъ надежнымъ обезпеченіемъ благоуспѣшности его служенія. Эти качества обезпечаютъ мудростью юнаго царя израи-

Государь Императоръ Александръ III. (Введеніе „Временныхъ Правилъ“ 1 октября 1885 г.)

Государь Императоръ Николай II. (Введеніе новыхъ судовъ, установленной 2 июля 1897 г.)

для правосудія условій. Но эти пороки судовъ, при благоустройствѣ новаго судопроизводства могутъ быть скоро обнаружены; значитъ, судья неправедный и любящій корысть, если бы показанъ закономъ въ нашихъ судебныхъ камерахъ, не можетъ долго усидѣть на судейскомъ мѣстѣ. Впрочемъ болѣе контроля и страха за свою участь здѣсь только, на землѣ, не составляютъ самой надежной гарантіи правдиваго судопроизводства, если судья не будетъ обладать еще однимъ качествомъ, на которое указала священная книга бытосненія. Это— богобоязненность. Въ патриархальныхъ судахъ божественный авторитетъ составлялъ существенную принадлежность. Во времена озернати мы знаемъ цѣлый рядъ судей, облеченныхъ божественнымъ авторитетомъ; въ томъ числѣ были пророки и пророкини. Въ первобытныя времена на судъ смотрѣли, какъ на Божій судъ. Тогда часто упоминалось имя Божіе. Тогда требовалось, чтобы судья прежде всего Бога боялся, а потомъ и людей стыдился. Въ наше время, къ сожалѣнію, на это качество обращается мало вниманія. У насъ отъ судьи требуется только научное образованіе или практическая опытность. О страхѣ Божіемъ и въ поину. У насъ дорожатъ болѣе общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ Божіимъ благоволеніемъ; болѣе болѣе общественнаго суда, чѣмъ—Божія. И едали это лучше для отравленія правосудія. При такомъ положеніи дѣла въ настоящее время, судья тѣмъ древнѣмъ ремесломъ могутъ оказаться болѣе авторитетными, чѣмъ въ наши времена, и настолько авторитетны, насколько выше божественный авторитетъ человѣческаго, хотя бы этотъ человѣкъ авторитета и стоялъ выше всѣхъ добродѣлей ему смертныхъ. Недостатокъ этого качества, т. е. ослабленіе божественнаго авторитета въ судахъ, сдѣлало и христианскіе суды не удовлетворяющія требованіямъ, какія имъ предъизваются. А это въ свою очередь вызвало надобность приспособлять къ прежнимъ судьямъ, отличающимся своей простотой, другія уреченія, контролирующія правильность судопроизводства. Съ теченіемъ времени нарождающееся столько этихъ вспомогательныхъ уреченій, что они становились бременемъ для страны, и чѣмъ дальѣ, тѣмъ болѣе судопроизводство росло, затрутовалось и затягивалось на многие годы.

Отсутствіе страха Божія дѣлало суды либеральными, потворствующими силѣ и богатству и пренебрегающими слабості и убожество. Такъ было у народа Божія, когда главы народа предавались нечестію. Отсутствие страха Божія лишило Назубое

Н. В. Муравьевъ. (статскъ-секретарь, г. Министръ Юстиціи.)

скаго. Кто не слыхалъ о судѣ Соломона по спорному дѣлу двухъ матерей о младенцѣ, котораго не по праву хотѣла присвоить себѣ неистинная мать его. И среди верхнихъ словъ нашего общества кто, добросовѣстнѣй, рѣшился бы утверждать, что для нашихъ судей не нужно ни страха Божія, ни прорознанія судебной. Если кому нужны эти качества, то не особенно ли тѣмъ, на комъ лежитъ обязанность не только распутать хитросплетенные узлы жизни, но и разобрать между правдой и кривдой, между кривдой и правдой; кто долженъ, скажемъ приточно, исхитить ященика изъ зубовъ волка, отличить слезы обиды отъ слезъ крокодила, огранить вола золотаяго отъ загрывающаго своею истинно ему ротъ и оберечь честь и покой благородныхъ и умныхъ животныхъ отъ назойливости и безтолковаго жукажакія наѣкомыхъ.

Нужно ли говорить о томъ, что богобоязненность и прорознанность не составляютъ принадлежность одного научнаго званія; но первая изъ нихъ есть излохъ живой вѣры, а вторая есть даръ Духа Божія, приобретаемый молитвой и чистой сердца. Введеніе новаго судопроизводства въ нашу широкую страну, какъ введеніе суда праваго и скорого, есть одинъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ упорядоченія въ странѣ неправды и водворенія правды. А уноженіе и распространеніе правды есть распространеніе царства Божія на землѣ, такъ какъ

правда составляетъ одно изъ свойствъ царства Божія. Возблагодаримъ же Бога, неостыжливый для насъ путями охраняющаго и распространяющаго правду на землѣ и чрезъ то приближающаго къ намъ царство Свое.

Возблагодаримъ Благочестивѣйшаго Монарха нашего, котораго Промисломъ Божіимъ благоволено избрать Своимъ орудіемъ чрезъ правый судъ водворять въ нашу страну правду.

Молитвенно пожелаемъ унѣха новымъ судебнымъ учрежденіямъ и тѣмъ починателямъ, на которыхъ выпала съчастливая доля возложить начало новымъ судьямъ и такимъ образомъ быть способниками распространения на землѣ царства правды, а чрезъ нее приближенія царства Божія. Пожелаемъ, чтобы въ нашихъ судахъ имя Божіе болѣе явста давалось божественному авторитету и чрезъ то прославлялось бы имя Божіе, и такимъ образомъ исполнялось бы то, о чѣмъ мы научены молитвы еженеменно: Отецъ нашъ да свѣтитъ имя Твое, да приндетъ царствіе Твое!»

Послѣ торжественнаго молебна, совершеннаго пресвитеромъ Макаремъ въ сосудженіи оо. архимандритовъ Лазаря, Ни-

откликъ и нужды отдаленной Сибири. Съ тѣхъ поръ событія громадной важности быстро слѣдуютъ одно за другимъ:

Упорядоченіе заселенія Томской губерніи входящими изъ коренной Россіи, добровольно несущими сюда, на далекія и негоесприимныя сѣверы, плоды вѣкового опыта надъ обработкой земли и добычана изъ этой пашей общей матеріи—корниціи ея природнахъ даровъ, смѣшивается насаженіемъ среди ея населенія, дотолѣ бродившаго въ тѣмъ невѣдѣніи, первоначальнаго образованія, завершившагося учрежденіемъ въ Томскѣ высшаго для всей Сибири учебнаго заведенія—Императорскаго Томскаго Университета—этого твердо вѣрима, свѣтлого, лучи котораго шествуетъ тепло и свѣтъ въ печальную жизнь туземнаго сѣвера. Въ тоже время подается начало величайшему сооруженію современной техники—Сибирскому желѣзному пути—этому торжеству современной точной науки. Работы по его сооруженію идутъ успѣшно, быстро подвигается впередъ, и—недалекъ уже тотъ день, когда глубокая вода Тихаго океана, необычайный просторъ котораго несомнѣнно станетъ поширемъ торгово-промышленнаго величія Россіи, будутъ соединены непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ унылыми волнами моря Вряжскаго,—этого утромаго свидѣтеля недавнихъ подвиговъ русскаго народа— моря, и бурныя воды котораго, еще въ утро ея исторической жизни, онъ былъ увлекать-присущимъ ему духомъ предпринимчивости и отваги для мирнаго торговаго сопернованія съ другими народами. И понесетъ тогда эта могучая, соединяющая два міра артерія природнаго богатства отдаленнаго сѣверо-востока въ объѣмъ на произведенія умудреннаго вѣкомъ опытомъ и просвѣщенной свѣтостью знанія обрабатывающей промышленности запада: забьеть ключомъ жизнь, пролетитъ населеніе отъ многолѣтняго сна и закипитъ его дѣятельность. Вѣстѣ съ свѣтломъ паровоза въ полуунылый край вырвется волна новой жизни. Быстрый объѣмъ произведеній, широкій кредитъ, могучій по своей достоинствѣ двигательъ общаго дѣятельности, порождаютъ новыя, дотолѣ неизвѣстныя потребности; водъ ихъ влѣніемъ растетъ, развивается и кривнетъ экономическая жизнь, складываются новыя отношенія между людьми; дотолѣ отсталыя и первобытныя они осваиваются и переняются. Прирѣкъ быстрого обогащенія събьютъ облазы и наталкиваютъ слабыхъ духомъ и неуверенныхъ волею людей на сколькой путь легкой наживы, водунці, подчасъ, по наклонной плоскости, правю къ скамѣ посеудимыхъ.

Такому развитію гражданскаго жизни уже не отвѣчаетъ устарѣлый и несовершенный прежній судебный строй, своимъ формализмомъ и политикой торжозаній, не смотря на высокой личной достоинства его дѣателей, разрѣшеніе самыхъ пашущихъ и обиденныхъ запросовъ къ суду современной жизни. Едва успѣла созрѣть эта самостоятельная потребность въ преобразованіи суда, какъ уже она нашла откликъ на высотѣ Престола. Въ неустанномъ царственныхъ заботахъ своихъ о государственномъ строительствѣ земли Русской Возлюбленный Монархъ нашъ, вели Свѣтленнаго Своего Вышнягона помышлѣ царственаго служенія вѣрнопой Ему Вселюбимыи Промисломъ обширный Державы Его, вияетъ насущнымъ потребностямъ населенія далекой окраины Царства Своего, даровалъ Сибири и входящей въ составъ ея Томской губерніи новый судъ,— судъ, построенный на началѣхъ судебныхъ уставовъ Императора Александра II, судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ.

Какія великія надежды долженъ возбуждать этотъ новый судъ въ населенія Томской губерніи и какія, въ тоже время, многотрудныя, отвѣтственныя задачи ставитъ онъ намъ, его дѣателямъ, которымъ выпала завидная жребій быть первымъ проводниками въ жизнь Томской губерніи высшихъ началъ этого новаго суда.

Основная положенія 29 сентября 1862 г.—краеугольный камень, на которомъ зиждется величавое и стройное зданіе Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. Согласно этимъ положеніямъ судъ долженъ быть прежде всего— скорый.

Это основное требованіе, которому долженъ удовлетворять всякій судъ,

